
ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

И. В. КУРЫШОВА

ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

В традициях образа жизни населения, в единстве с природой заключается самая естественная форма экологического воспитания и образования. К экологическим традициям русского старожильского и инородческого населения Байкальского региона не раз обращались отечественные исследователи, этот вопрос достаточно хорошо разработан в исторической литературе (Абаев Н.В., Герасимова К.М., Железнов А.И. и др. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Новосибирск, 1992. С. 32, 34; Жамбалова С.Г. Традиционная охота у бурят. Новосибирск, 1991. С. 144–145, 129–130; и др.). Народные традиции рационального природопользования касались как охоты и рыболовства, так и пользования лесными угодьями.

Среди коренного населения региона человек рассматривался как часть природы. Природа же обожествлялась, силы природы признавались приоритетными по отношению к человеку. Поэтому природоохранные традиции коренного населения Байкальского региона нередко имели некий сакральный смысл. Среди шаманских обрядов существовал обряд покаяния в грехах против духов камня, дерева и земли, т.е. в ущербе, причиненном природе. С глубокой древности здесь существовали так называемые священные рощи и священные леса, прообразы заказников и заповедников, считавшиеся неприкосновенными. В них запрещалась любая производственная деятельность человека. Священными лесами у бурят, например, назывались те лесные участки, на территории которых хоронили шаманов, или были обнаружены «священные камни» (бумалшулун), т.е. метеориты. Такими священными лесами являлись Абазай Угут и Ольхонская роща на Ольхоне, Шаманский мыс у Култука, Шаманский реликтовый лес в Аларском ведомстве, Бурковская, Ныгдинская, Алятская рощи в бассейне реки Куда и др. (Мельхеев М.Н. Охрана заповедных рощ Прибайкалья // Охрана природы Сибири: Материалы первой Сибирской конференции 1958 года. Иркутск, 1959. С. 110).

По представлениям коренного населения основой и источником жизни являлась природа, поэтому не нужно было бесполезно истреблять зверей, птиц. Например, по поверьям бурятских охотников, успех охоты зависел от воли Хангая — хозяина тайги, который воплощал образ природных сил.

Стремление не разгневать его, не преступить меру дозволенного позволяли строго контролировать поведение охотника (Балданова А.С.-Д. Традиционное хозяйственное природопользование бурят в конце XIX—начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 136). Животные добывались для удовлетворения своих потребностей, поэтому это не отражалось на биологическом равновесии. По эвенкийской традиции, промыслово-охотничьи участки делились между семьями и родами, которые обязаны были оберегать свои земли. Благодаря этому формировалась этика эвенкийского охотника, не позволявшая убивать маток, отстреливать птенцов и птиц весной, охотиться в неположенный срок, убивать без надобности, сверх меры. Сроки охоты регламентировались исходя из особенностей образа жизни животных. В случае нарушения охотнику запрещали выходить в лес и переводили его на хозяйственные работы вместе с женщинами (Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ, 1999. С. 53–54).

Многие животные у «инородцев» являлись предметом культа. К ним относились с большим уважением и или не убивали их совсем, или их добыча была строго регламентирована. К таким животным у бурят и эвенков относились, например, лебедь, орел, соболь, косуля, горноста́й, волк, марал, медведь, ворон, дятел. Охрана некоторых пушных зверей, таких как горноста́й, ласка, была связана с народными поверьями, сохранившимися до конца XIX в.

Экологические традиции существовали и у русского населения Байкальского региона. Ряд исследователей, в том числе Зверев В.А., Тяпкин М.О. доказывают, что идея образования заказных лесов зародилась и стала действительностью в общинных крестьянских лесных угодьях. «Заказные» леса — это особо ценные для общин лесные участки, лучше сохранившиеся или, наоборот, сильнее всего нуждающиеся в восстановлении. На этих лесных участках, расположенных, чаще всего, в верховьях и по берегам речек и ручьев, около ключей, на песках, запрещалась бессрочно или на определенное время (иногда до 50 лет) рубка деревьев. Эти лесные участки отходили «в заказ». Такие заказные леса известны в Забайкалье «в Малокуналейской и Малокударинской волости, Горячинском отдельном обществе Верхнеудинского уезда, Урлукской станице на реке Чикой, Киранской станице Троицкосавского округа, Хараузском селении в верховьях реки Тугнуй» (Зверев В.А. Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Развитие культуры сибирской деревни. Новосибирск, 1986. С. 88). Для охраны выбирали «полесовщиков», «лесников», иногда их обязанности поочередно исполняли все общинники. Любые работы в заказных лесах допускались только под контролем общества, иногда только после внесении определенного взноса. Нарушители наказывались решением общества, в зависимости от характера проступка, денежным штрафом, иногда — телесным наказанием.

В конце XIX в. пользование лесом сводилось к двум формам: лес оставался в общем пользовании деревни или делился на участки по числу платежных душ. Раздел леса на подворные душевые участки получил широкое распространение, и охрана леса была достаточно действенной. Таким образом, к концу XIX в. общинный контроль над лесопользованием в некоторой степени ослабевает, однако идея образования заказных лесов получает дальнейшее развитие в деятельности лесничеств.

В ходе осуществления землеустроительной реформы крестьянское лесопользование претерпевает некоторые изменения. В условиях ограничения лесных наделов тремя десятинами на душу мужского пола крестьяне стали проводить политику более рационального пользования своими наделными лесами. Леса, находившиеся в крестьянском пользовании, делились на лесосеки, и лес использовался из разных лесосек поочередно, в зависимости от состояния участка.

Имели русские старожилы определенные традиции и в области ограничения охоты. Например, несмотря на то, что лес в Сибири находился в свободном пользовании охотников, известны случаи, когда право охоты на некоторых территориях подвергалось ограничениям, чаще всего в соответствии с нормами обычного права. Так, например, в волостях Братская и Больше-Мамырская Нижнеудинского округа, Яндинская Балаганского округа оформилась традиция, согласно которой местность, где зверопромышленник устраивал зимовье и ставил снаряды для ловли зверей, считалась «своею тайгой», и никто другой не только не имел права охотиться на этом участке, но и проходить по нему. Авторы «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» нашли два решения волостного суда, подтверждающие этот обычай. Эти факты свидетельствуют, конечно, не столько о том, что население бережно относилось к природе, сколько о тенденциях раздела угодий. Тем не менее, показателен сам факт ограничения охотничьего промысла (Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. 4. С. 377).

В конце XIX в. многие сельские и инородческие общества Иркутской губернии принимали решения о запрете промысла диких коз, лосей, изюбров по насту (НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 328. Л. 1). Одной из самых эффективных мер по охране этой категории зверей, как показала практика, являлось одомашнивание животных и создание своеобразных питомников. Содержание маралов и изюбрей в неволе не требовало больших затрат по уходу. Необходимо было иметь особый двор, обнесенный забором в четыре аршина высотой, и запас сена на год. Так, например годовое содержание изюбря в неволе в Верхнеудинском округе оценивалось примерно в 40–90 рублей (Кириллов Н.В. Полуодомашненные изюбри в Верхнеудинском округе // Известия ВСОИРГО. Т. XX. № 4. Иркутск, 1895. С. 14). В Иркутской губернии разведение изюбрей не получило широкое распростра-

нение, встречались лишь единичные случаи. Например, в Тулуновской волости Нижнеудинского округа один из местных крестьян держал 3 прирученных изюбрей, с которых в определенное время снимал на продажу рога (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 241). Имеются сведения, что маралов разводили и в самом Иркутске (РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 17. Л. 48).

Устройство питомников получило широкое распространение на территории Забайкальской области среди русских крестьян. В начале XX в. в Забайкалье «по реке Чикой развивалось мораловодство до 500 голов, в Читинском уезде вверх по Ингоде от Читы до 200 голов. Всего 300 забайкальских мораловедов имели до 1000 голов» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 353). Наибольшее количество маральников встречалось в Троицкосавском и Верхнеудинском округах Забайкальской области. В статье А. Силантьева «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян» приводится целый список деревень Верхнеудинского округа, в которых встречались ручные изюбри. А Силантьев выделяет три категории деревень: а) где разводили много изюбрей, — в бассейне рек Чикой и Хилок, а именно Укир, Шокой, Хилклтой и др.; б) где разводили немного изюбрей — Байкор, Выезжая, Шинки, Тарбагатай, Кули.; в) где разводили по 1–4 изюбра — Новая Брянь, Тальцы, Мухоршибирь, Мухор-Тала, Петровский Завод, Хараус (Там же). Изюбри попадали к крестьянам как из тайги в результате отлова, так и от домашнего приплода. Анализ статистических данных по Забайкальской области показывает, что домашний приплод составлял немногим более 7% от числа всех изюбрей. Это связано с тем, что для сохранения качества породы необходимо было постоянно скрещивать домашних животных с дикими собратьями (Кузнецов А. Изюбриный промысел и разведение изюбрей в забайкальской области. Чита, 1899. С. 51).

Местные жители осознавали и пагубные последствия бесконтрольного лова рыбы. Так, сельские общества Приангарья очень строго следили за «ямами», где скапливалась «красная рыба». Запрещалось стрелять вблизи «ямы», ставить переметы, шуметь, рубить деревья, распугивать рыбу запахом багульника, пихты, приезжать на яму раньше, чем за сутки до начала лова. Надзор за «ямой» осуществляло начальство того населенного пункта, в пределах которого она находилась. Выборные должны были в течение двух недель выслушивать рыбу, передавая сведения сельскому или волостному правлению. Для каждой «ямы» определялся свой срок лова, но, в общем, сроки ограничивались с 13 сентября по 3 октября (Воробьев Н.И. Рыболовство на реке Чуне (приток Ангары). Красноярск, 1926. С. 32).

В литературе встречаются описания рыбоохранных мероприятий, проводимых общиной во время рунного хода омуля в Забайкалье с 1 августа по 20 сентября. В указанный срок строго запрещалась ловля омулей в устье рек, особенно Селенги, до 15 верст от Байкала любыми ловушками и снастями. Нарушители преследовались специально учрежденным

временным самоуправлением из волостных членов и сельских старшин, которые могли отобрать все снасти, лодки, ловушки и продать их с аукциона. Вырученные деньги отсылали в Иркутский приказ общественного призрения. Сети жгли на глазах самих хозяев, в назидание всем остальным (Болонев Ф.Ф. Значение и особенности развития пушного промысла и рыбной ловли русского населения Забайкалья в XVIII–начале XX вв. Новосибирск, 1989. С. 174).

Однако, несмотря на то, что природопользование населения края, в особенности коренного, основывалось на исторически сложившихся традициях поклонения перед природой, бережного отношения к ее богатствам, было бы ошибкой утверждать, что традиции охраны природы оставались незыблемы. Под влиянием быстрых темпов экономического освоения Байкальской Сибири, роста спроса на результаты охотничьей промысловой деятельности (шкуры ценных пушных зверей, панты), рыбу, пиломатериалы, вовлечения сибирского охотника в товарно-денежные отношения народные экологические традиции стали нарушаться. Ограничение лесопользования и колонизация порождали увеличение масштабов самовольных порубок. Контроль со стороны общины над рыбным промыслом был неэффективен в масштабах всего края, так как был эпизодическим, затрагивал лишь отдельные селения. Охота приобрела хищнический характер, что естественно отразилось на количестве промысловых зверей, которое достигло либо критического уровня, либо указывало на возможность ближайшего исчезновения отдельных животных. В силу распространения товарных отношений, община утрачивала функцию контроля за хозяйственной деятельностью отдельных членов общества.

Вторая половина XIX–начало XX вв. характеризовалась активизацией общественной жизни в различных сферах, в том числе и в области охраны природы. Немалый вклад в дело охраны окружающей среды был внесен общественными организациями (Общества Сибирских охотников, рыболовов-любителей, покровительства животным и др.), и научными обществами (Восточно-сибирский отдел РГО в Иркутске, отделения Приамурского отдела РГО в Чите и Кяхте, Общества изучения Сибири), деятельность которых выстраивалась с учетом природоохранных традиций населения края.

И. А. ДАЛЬЖИНОВА

ПОСЛЕДСТВИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА БРАТСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Успешное освоение уникальных гидроэнергетических ресурсов Ангары превращает Иркутскую область в крупнейший промышленный район. Благодаря строительству крупнейших каскадов, таких как Иркутская, Усть-Илимская и Братская ГЭС область выходит на одно из первых мест